

Читая Винникотта

Томас Огден доктор медицинских наук

В первом столетии психоанализа было несколько великих мыслителей, но, с точки зрения автора, существует только один великий англоязычный писатель: Дональд Винникотт. Поскольку стиль и содержание в творчестве Винникотта настолько взаимосвязаны, его работы не очень хорошо поддаются предметному чтению, направленному исключительно на то, чтобы понять, "о чем статья". Такие усилия часто приводят к тривиальным афоризмам.

Винникотт, по большей части, использует язык не для того, чтобы прийти к каким-либо выводам; скорее, он использует язык, чтобы вызвать переживания в процессе чтения, а они неотделимы от идей, которые он излагает, или, точнее, от идей, с которыми он играет.

Автор предлагает прочтение работы Винникотта (1945) "Примитивное эмоциональное развитие", содержащей семена практически всех основных открытий в психоанализе, которые Винникотт сделает в течение последующих двадцати шести лет своей жизни. Автор настоящей работы показывает взаимосвязь между судьбой развиваемых идей и судьбой сочинения в этой фундаментальной работе Винникотта. То, что работа "Примитивное эмоциональное развитие" предлагает психоаналитическому читателю, не может быть сказано никаким другим способом (что означает, что эта работа чрезвычайно устойчива к пересказу). Автор пришел к выводу (который он надеется донести до читателя), что понимание того, как работает язык в работах Винникотта, значительно повышает ценность полученных от их прочтения знаний.

Стиль письма и содержание в письменной речи неразделимы. Чем качественнее текст, тем больше эта взаимосвязанность используется для передачи смысла. В последние годы я пришел к выводу, что единственный способ, с помощью которого я могу добиться успеха в изучении и преподавании Винникотта, - это читать его работы вслух, строчку за строчкой, как читают стихи, исследуя, что делает язык в дополнение к тому, о чем он говорит. Не будет преувеличением сказать, что многие отрывки из работ Винникотта вполне заслуживают того, чтобы называться стихами в прозе. В этих отрывках письма Винникотта подходят под определение поэзии, которое дал Том Стоппард (1999), поэзия - это "одновременное сжатие языка и расширение смысла" (стр. 10).

В этой статье я остановлюсь на работе Винникотта 1945 года "Примитивное эмоциональное развитие", которую я считаю его самым ранним крупным вкладом в психоанализ. Я не буду ограничиваться изложением статьи Винникотта, хотя многие идеи, сформулированные в ней, будут обсуждаться. Мой главный интерес заключается в том, чтобы посмотреть на эту работу как на произведение «нехудожественной» литературы, в котором встреча читателя и произведения порождает творческий опыт, опосредованный языковыми средствами. Говоря о творчестве Винникотта как о

литературе, я не преуменьшаю его заслуги в изложении идей, которые оказались чрезвычайно важными для развития психоаналитической теории и практики; напротив, я постараюсь показать, каким образом жизнь письменного произведения критически важна для жизни идей и неотделима от нее¹.

В предыдущих статьях (Ogden 1997a, 1997b, 1997c, 1997d, 1998, 1999, 2000) я обсуждал задачу психоаналитиков - развить слух к тому, как мы и наши пациенты используем слова. В ходе этих обсуждений я часто обращался к поэтам и писателям - авторам художественной литературы, пытаюсь показать, как им удается (когда их произведения хороши) привести язык в жизнь, а жизнь - в язык.

Прежде чем подробно рассмотреть "Примитивное эмоциональное развитие", я предложу несколько соображений о вопросах письма, которые проходят практически через весь опус Винникотта. Первое качество его работ, которое поражает читателя, - это их форма. В отличие от работ любого другого психоаналитика, которых я могу вспомнить, работы Винникотта кратки (обычно от шести до десяти страниц). Нередко они содержат один момент в середине, когда автор отвлекает читателя и говорит в одном предложении: "Существенная особенность моего сообщения - это...." (Winnicott 1971a, p. 10). (Winnicott 1971a, p. 50). Но самой отличительной чертой текстов Винникотта является его речь. Она непринужденно-разговорная, но при этом всегда глубоко уважительная как к читателю, так и к обсуждаемому предмету. Обращенная к читателю речь позволяет себе свободу, но при этом обладает сжатостью поэзии; в его речи присутствует необыкновенный интеллект, который в то же время неподдельно скромный и хорошо осознающий свои ограничения; в нем есть обезоруживающая близость, которая иногда прикрывается остроумием и обаянием; голос игрив и изобретателен, но никогда не бывает простонародным или сентиментальным.

Любая попытка передать ощущение голоса в творчестве Винникотта должна заключать в себе качество игривости. Типы игривости, встречающиеся в творчестве Винникотта, имеют огромный диапазон. Назову лишь некоторые из них: в его рассказах об "играх в закорючки" (1971b) со своими пациентами-детьми есть неосознанные проявления воображения и сочувствующего понимания. Существует серьезная игривость (или игровая серьезность), когда Винникотт вовлечен в попытку создать форму мышления/теоретизирования, адекватную парадоксальной природе человеческого опыта, как он ее понимает. Он получает удовольствие от тонкой игры слов, например, от повторения знакомой фразы в несколько иной форме для обозначения потребности пациента начать и закончить анализ: "Я провожу анализ, потому что пациенту нужно это сделать и нужно с этим покончить" (1962, с. 166).

Хотя его работы носят личный характер, Винникотту свойственна определенная английская сдержанность, которая сочетает в себе парадоксальную комбинацию формальности и интимности, что является отличительной чертой психоанализа (Ogden 1989). С точки зрения всех этих вопросов формы и речи, работы Винникотта имеют сильное сходство с емкими, умными, игривыми, иногда очаровательными, иногда ироничными, всегда неотразимыми "Выдумками" Борхеса (1944) и с прозой и поэзией Роберта Фроста.

Неповторимый голос Винникотта слышен почти с первых строк "Примитивного

эмоционального развития", когда он объясняет свою "методологию":

Я не буду сначала давать исторический обзор и показывать развитие моих идей из теорий других авторов, потому что мой ум так не работает. Все происходит так: я собираю то и это, здесь и там, приступаю к клиническому опыту, формирую свои собственные теории и затем, в завершение всего, с интересом изучаю, где я что украл. Возможно, это самый лучший метод". [стр. 145]

В выражении "Возможно, это такой же хороший метод, как и любой другой" присутствует шутливое изыщество. Это, на первый взгляд, незначительное дополнение выражает то, что, возможно, является главной темой статьи в целом: создание своего "метода", своего жизненного пути, который подходит человеку и становится его уникальным "водяным знаком" (Heaney 1980, стр. 47), является, наверное, самым важным результатом примитивного эмоционального развития. В процессе становления личности младенец (и мать) "собирает то и это, здесь и там". Ранний опыт самости фрагментирован, и в то же время он (с помощью матери) "накапливается" таким образом, что позволяет младенческому опыту самости время от времени собираться в одном месте. Более того, для младенца чужие кусочки (интроекты), или для писателя идеи других авторов, не должны брать на себя процесс создания смысла. "Мой разум не работает таким образом", равно как и разум здорового младенца, находящегося под опекой здоровой матери. Собственный жизненный опыт человека должен быть основой для формирования согласованности, связанности его "Я" и целостности самого себя. Только после того, как самоощущение начало формироваться (у младенца и у писателя), можно признать вклад других в создание себя (и своих идей): "...в последнюю очередь меня интересует, где я что украл".

Затем Винникотт кратко обсуждает несколько аспектов аналитических отношений, уделяя особое внимание переносу-контрпереносу. Именно эту структуру опыта он считает основным источником своей концепции примитивного эмоционального развития. Я рассмотрю только один короткий отрывок (точнее, два предложения) из обсуждения Винникоттом переноса-контрпереноса в "Примитивном эмоциональном развитии". Я выбрал эти предложения, потому что считаю их чрезвычайно важными как с точки зрения понимания его концепции работы аналитических отношений, так и с точки зрения мощной взаимозависимости языка и идей в работе Винникотта:

Депрессивный пациент требует от своего аналитика понимания того, что работа аналитика - это в какой-то степени его попытка справиться с собственной (аналитика) депрессией, или, я бы сказал, с чувством вины и горя, возникающими из-за деструктивных элементов в его собственной (аналитика) любви. Чтобы продвинуться дальше в этом направлении, пациент, который просит помощи в отношении своего примитивного, пред-депрессивного отношения к объектам, нуждается в том, чтобы его аналитик смог увидеть безусловную и

идентичную любовь и ненависть аналитика к нему. [стр. 146-147].

В начальной части первого из этих двух предложений Винникотт не только предлагает теорию депрессии, радикально отличающуюся от теории Фрейда и Кляйн, но и выдвигает новую концепцию роли контрпереноса в аналитическом процессе. Он предполагает, что депрессия, по сути, не является патологической идентификацией с ненавистным аспектом амбивалентно любимого (и потерянного) объекта в бессознательной попытке избежать переживания гнева по отношению к потерянному объекту (Фрейд, 1914). Винникотт также не считает, что депрессия сосредоточена вокруг бессознательной фантазии о том, что гнев причинил человеку боль, прогнал или убил любимый объект (Klein 1952).

В одном предложении Винникотт выражает мнение (посредством использования идеи, а не через ее экспликацию), что депрессия является проявлением того, что пациент воспринимает как свою собственную (в фантазии, принимая в себя) депрессию матери (или других любимых объектов), с бессознательной целью избавить ее от депрессии. Поразительно то, что эта концепция депрессии пациента представлена не прямым утверждением, а предложением, которое практически непостижимо, если только читатель не возьмет на себя труд создать/раскрыть концепцию межпоколенческого происхождения и динамической структуры депрессии. Только после того, как читатель выполнит эту задачу, начнет проясняться, почему "Депрессивный пациент требует от своего аналитика понимания того, что работа аналитика в какой-то степени является его попыткой справиться с собственной (аналитика) депрессией".²

2 Термин "депрессия", как он используется в этом предложении, по-видимому, относится к широкому спектру психологических состояний, начиная от клинической депрессии и заканчивая универсальной депрессией, связанной с достижением депрессивной позиции (Klein 1952). Последняя является нормативной стадией развития и способом генерирования опыта (Ogden 1986), включающей в себя целостную объектную связанность, амбивалентность и глубокое чувство потери при осознании своей отделенности от матери.

Другими словами, если аналитик не способен справиться со своими собственными чувствами депрессии (как нормальными, так и патологическими), возникающими в результате прошлого и текущего жизненного опыта, он не сможет распознать (почувствовать в данный момент) способы, которыми пациент бессознательно пытается и в некоторой степени преуспевает в принятии депрессии аналитика как матери в переносе.

Те аспекты депрессии аналитика, возникающие независимо от бессознательной идентификации аналитика с депрессивным внутренним объектом пациента - матерью, гораздо менее доступны для понимания пациента. Это происходит потому, что пациент не может распознать в аналитике депрессию своей матери, которую пациент прекрасно знал на протяжении почти всей своей жизни. Пациент заиклен на депрессии, которая присуща только внутреннему объекту - матери. (Депрессия каждого человека - это его собственное уникальное творение, уходящее корнями в конкретные обстоятельства жизненного опыта и организации личности).

Таким образом, Винникотт предполагает, что аналитик должен справиться со своей собственной депрессией, чтобы он мог пережить депрессию матери пациента (внутренний объект), которая проецируется на аналитика. Только если аналитик способен контейнировать/жить с переживанием депрессии (внутреннего объекта) матери (в отличие от своей собственной депрессии), он сможет пережить патологическое усилие пациента облегчить психологическую боль матери (которая теперь ощущается как находящаяся в аналитике), интроецируя ее в самость пациента как вредоносное инородное тело.

Вторая часть обсуждаемого предложения, хотя и вводится Винникоттом так, как будто это просто другой способ сказать то, что он уже сказал в первой части ("или скажем так"), на самом деле является чем-то совершенно новым: "[Аналитик депрессивного пациента должен справляться со своим собственным] ... чувством вины и горя, возникающим из-за деструктивных элементов в его собственной (аналитика) любви". Таким образом, аналитик депрессивного пациента также должен уметь жить с неизбежной деструктивностью любви, в том смысле, что любовь подразумевает требования к любимому объекту, которые могут (в фантазии, а иногда и в реальности) оказаться слишком большим напряжением для любимого человека. Другими словами, аналитик в ходе личного анализа и посредством постоянного самоанализа должен в определенной степени примириться с собственными страхами по поводу истошающего воздействия любви, чтобы быть в состоянии любить пациента, не опасаясь, что такие чувства навредят пациенту, тем самым вызывая у аналитика чувства "вины и горя" 3.

3 Я осознаю неловкость своего языка при обсуждении этого отрывка. Эти идеи трудно передать, отчасти из-за крайней "компактности" языка Винникотта, а отчасти потому, что Винникотт еще не до конца проработал идеи, которые он излагал в этот момент. Более того, разрабатываемые здесь идеи включают в себя неразрешимые эмоциональные противоречия и парадоксы: аналитик должен достаточно хорошо знать и понимать свою собственную депрессию, чтобы прочувствовать депрессию, которую проецирует на него депрессивный пациент. Аналитик также должен быть способен любить без страха перед последствиями этой любви - ведь если аналитик боится разрушительных последствий своей любви, у него мало шансов проанализировать страхи пациента перед разрушительными последствиями его любви для самого аналитика.

Винникотт не останавливается на достигнутом. В предложении, которое следует за процитированным отрывком, он революционизирует (и я использую это слово осознанно) психоаналитическую концепцию "аналитических рамок", рассматривая их как средство выражения ненависти аналитика к пациенту: "... конец часа, конец анализа, правила и предписания - все это приходит как выражение ненависти [аналитика]" (с. 147). Эти слова обладают большой силой благодаря тому, что истинность идеи о том, что аналитик выражает свою ненависть в этих действиях (которые настолько обычны, что часто остаются незамеченными), немедленно

распознается читателем-аналитиком как часть его опыта практически с каждым пациентом.

Винникотт признает/интерпретирует невысказанные выражения ненависти, которые аналитик/читатель бессознательно и предсознательно испытывает (часто сопровождаемые чувством облегчения), "выгоняя пациента" (пунктуально завершая каждую встречу) и устанавливая границы того, что он будет предоставлять пациенту (поддерживая другие аспекты аналитической рамки). Здесь подразумевается, что страх аналитика перед разрушительностью его ненависти к пациенту может привести к деструктивным для лечения нарушениям аналитической рамки, таким как продление аналитиком сессии более чем на несколько минут, чтобы "не оборвать пациента", "или установление аналитиком платы на уровне ниже того, что пациент может себе позволить, "потому что пациента постоянно эксплуатировали его родители в детстве", или рефлексивный звонок пациенту, когда тот пропустил сессию, "чтобы убедиться, что с ним все в порядке", и так далее.

Только внимательно вчитываясь в эти предложения, можно разглядеть и оценить, что происходит в тех самых живых отношениях между текстом и читателем, которые составляют большую часть жизни развиваемых идей. Как мы убедились, текст требует, чтобы читатель стал активным партнером в создании смысла. Текст (как и коммуникации анализируемого) предполагает и только предполагает возможные варианты смысла. Читатель/аналитик должен иметь желание и способность отказаться от своего знания, чтобы освободить место внутри себя для ряда возможных смыслов, которые можно почувствовать/создать, и позволить одному или другому смыслу, или нескольким смыслам одновременно, достичь превосходства (на какое-то время).

Более того, важно отметить, что текст "действует" (заимствуя слово из Винникоттовского описания его "метода") в значительной степени благодаря своей способности чувствовать (правильно интерпретировать бессознательное) читателя. Возможно, все хорошие произведения (будь то стихи, пьесы, романы или эссе) в значительной степени "работают" таким образом.

В обсуждаемой работе Винникотта (и почти во всех работах, включенных в три основных тома его собрания сочинений [1958, 1965, 1971c]) удивительно мало клинического материала. Это, я полагаю, является следствием того факта, что клинический опыт в значительной степени находится в опыте читателя "быть прочитанным" (то есть, быть интерпретированным, понятым) через написанное. В тех случаях, когда Винникотт предлагает клинический материал, он часто ссылается не на конкретную интервенцию с конкретным пациентом, а на "очень распространенный опыт" (1945, с. 150) в анализе. Таким образом, он косвенно просит читателя использовать свой собственный опыт работы с пациентами не для того, чтобы "принять" идеи Винникотта, а для того, чтобы вызвать у читателя "оригинальный ответ" (Frost 1942, p. 307).

Еще одна форма творческого взаимодействия стиля и содержания, писателя и читателя, приобретает центральное значение в другом отрывке из "Примитивного эмоционального развития", который рассматривает опыт дезинтеграции и интеграции

в раннем развитии:

Примером явления дезинтеграции может служить очень распространенный опыт пациента, который продолжает рассказывать все подробности уик-энда и в конце ощущает удовлетворение от того, что все было сказано, хотя аналитик чувствует, что никакой аналитической работы не было сделано.

Иногда мы должны интерпретировать это как потребность пациента быть познанным во всех его кусочках и частичках одним человеком, аналитиком. Быть познанным означает чувствовать себя интегрированным, по крайней мере, в лице аналитика. Это обычный материал младенческой жизни, и младенец, у которого не было никого, кто бы собрал его кусочки вместе, начинает испытывать трудности в своей собственной задаче самоинтеграции, и, возможно, он не сможет преуспеть, или, во всяком случае, не сможет поддерживать интеграцию с уверенностью...

В жизни нормального младенца бывают длительные отрезки времени, когда ребенку неважно, является ли он множеством кусочков или одним целым существом, живет ли он в материнском лице или в собственном теле, при условии, что время от времени он собирается воедино и что-то чувствует. [стр. 150]

В этом отрывке подразумевается признание гнева аналитика на пациентов, которые "рассказывают все подробности уик-энда", оставляя у аналитика чувство, "что аналитическая работа не была сделана". Винникотт полностью предоставляет читателю возможность представить себе импульс аналитика выплеснуть гнев и чувство неудачи обратно на пациента в форме интерпретации сопротивления ("Вы, кажется, заполняете этот час подробностями, которые служат для того, чтобы уничтожить любую возможность сделать аналитическую работу" [мой пример]).

Затем Винникотт предлагает читателю серьезный пересмотр аналитической техники. Он делает это настолько тонко, что читатель может не заметить этого, если не будет внимательно следить за тем, что происходит в тексте. Читателю предлагается не что иное, как новый способ общения с пациентами, без проповедей и фанфар: "Иногда мы должны интерпретировать это [то, что пациент рассказывает все подробности своего уик-энда] как потребность пациента быть познанным во всех его частях и деталях одним человеком, аналитиком". Фраза "иногда мы должны" обращена к читателю как к коллеге, который знаком с описываемой клинической ситуацией и, вполне вероятно, чувствовал необходимость вмешаться так, как описывает Винникотт. 4 (4*Похоже, что Винникотт имеет в виду молчаливые интерпретации, которые аналитик формулирует для себя в словах в данный момент, а позже может представить пациенту.*)

Возможно, читатель/аналитик не полностью определил для себя то, что он переживал и делал со своим пациентом. Язык не опровергает/изобличает интерпретацию гневного сопротивления, которую читатель/аналитик сделал или был склонен сделать в ответ на чувство разочарования и ощущение неудачи. Винникотт с помощью языка, с которым

он обращается к читателю, предоставляет *опыт чтения*, который помогает читателю спокойно собрать воедино свои собственные неартикулированные переживания из собственного анализа и из своей аналитической работы с пациентами.

Более того, простая фраза "очень распространенный опыт" передает важную теоретическую концепцию (опять же не привлекая к себе внимания): примитивные состояния неинтеграции не ограничиваются анализом пациентов с тяжелыми нарушениями; такие состояния регулярно возникают в анализе всех наших пациентов, включая самых здоровых. Эта писательская "техника" не вызывает ощущения манипуляции читателем; скорее, она похожа на хорошую интерпретацию - утверждение, которое выражает словами то, что читатель/аналитик знал все это время из личного опыта, но не знал, что он это знал, и не знал этого вербально символизированным, интегрированным способом, к познанию которого он приближается.

Примечателен второй абзац обсуждаемого отрывка:

В жизни нормального младенца бывают длительные отрезки времени, когда ребенку неважно (он не заботится о том), является ли он множеством кусочков или одним целым существом, живет ли он в материнском лице или в собственном теле, при условии, что время от времени он собирается воедино и что-то чувствует.

Это предложение отличается не только оригинальностью идей, которые оно развивает, но и тем, как его синтаксис способствует созданию этих идей в сенсорном восприятии. Предложение состоит из многих групп слов (я насчитал десять), которые читаются с очень короткими паузами (например, после слов *время, жизнь, чувство* и так далее). Предложение не только упоминает, но и вызывает к жизни в своей собственной звуковой структуре/манере опыт жизни по кусочкам ("время от времени"), неким извилистым путем, прежде чем собраться вместе - на мгновение - в двух последних кусочках: "он собирается воедино", "и что-то чувствует".

Голос, синтаксис, ритм и тщательно подобранные слова и выражения, составляющие это предложение, работающие вместе с раскрываемыми идеями, создают опыт чтения, который так же характерен для Винникотта, как начальный абзац "Звука и ярости" характерен для Уильяма Фолкнера или как начальное предложение "Женского портрета" характерно для Генри Джеймса.

Читатель обсуждаемого предложения не будет задаваться вопросом, откуда Винникотт может знать, что чувствует младенец, или намекать, что регрессии в анализе детей и взрослых (будь то психотические, депрессивные или вполне здоровые) имеют весьма неопределенную корреляцию с младенческим опытом. Скорее, читатель склонен на время оставить недоверие и присоединиться к процессу чтения (вместе с Винникоттом), позволяя себе быть захваченным музыкой языка и идей. Читатель во

время чтения переживает состояние, подобное тому, которое испытывает воображаемый младенец, которому неважно, находится ли он во множестве частичек (испытывая парящее чувство, которое сопровождает нелинейное мышление) или он представляет собой единое целое (испытывая состояние "временной победы над смятением души" [Frost 1939, p. 777]). Сочинение Винникотта, подобно путеводителю, "который не позволит сердцу заблудиться" (Frost 1947, p. 341), убеждает нас, что мы никогда не получим правильный ответ в окончательном варианте, а мы и не возражаем против этого.

Подсознательно каламбур со словом "*mind*" (которое имеет несколько значений и переводится как *сознание; разум; заботиться; возражать*) позволяет фразе "младенец не заботится о том, состоит ли он из многих кусочков или является одним целым существом" сконцентрировать в себе различные пересекающиеся смыслы. Ребенок "не заботится", потому что мать находится рядом, "заботясь" о нем. А он "не заботится" потому, что не чувствует давления, чтобы быть "озабоченным", то есть создавать преждевременную, защитную озабоченность, оторванную от телесного опыта. Само сочинение, в котором мастерски и непринужденно используются каламбуры, создает именно такое ощущение удовольствия от того, что можно не заботиться, не задумываться, позволить себе не знать, не улавливать смысл, а просто наслаждаться живостью прекрасного языка и идей.

Язык, который использует Винникотт, описывая «слияние» младенца в единое целое в одном месте, удивителен тем, что "место", где происходит слияние, - это вовсе не место, а действие (акт чувствования чего-то). Более того, младенец, "собираясь воедино", не просто чувствует, он "чувствует что-то". Слово "что-то" обладает восхитительной двусмысленностью: "*что-то*" - это конкретная вещь, объект, который ощущается; и в то же время "*что-то*" - самое неопределенное из слов, предполагающее только то, что какое-то чувство переживается. Эта тонкая двусмысленность создает в процессе чтения ощущение мерцания мира чувств младенца, мира, слабо связанного с объектами, не вполне локализованного, переживаемого то в теле как беспредметное ощущение, то в более определенном и конкретном ощущении присутствия объекта, то в лице матери.⁵

5 Роль, которую играет слово "что-то" в этом предложении, напоминает использование Фростом существительных для создания одновременно таинственного и совершенно конкретного и обыденного образа - например, в таких строках, как "Что-то есть на свете, какая-то неведомая сила, что пробивает стену" (1914, с. 39), или "Знающий толк в деревенских делах, в песнях птиц не может не слышать слез" (1923а, с. 223), или "Что-то мелькнуло... Что-то белело? Истина? Камешек кварца? Что-то там есть, раз это было" (1923b, стр. 208).

Неожиданные повороты, тихие революции, происходящие в этой ранней работе Винникотта, слишком многочисленны, чтобы их рассматривать. Однако я не могу

удержаться, чтобы не восхититься тем, как Винникотт, педиатр, детский аналитик, бесстрастно отбрасывает накопленный за пятьдесят лет психоаналитической работы технический язык в пользу живого языка, который передает описываемые переживания:

...Существуют состояния покоя и возбуждения. Я не думаю, что младенец в самом начале осознает, что, находясь в своей кроватке, ощущая и то, и это, или наслаждаясь кожной стимуляцией во время купания, он является тем же младенцем, который вскрикивает, требуя немедленного удовлетворения, одержимый желанием добраться до чего-то и разрушить это что-то, если не получит молока. Это означает, что сначала он не знает, что мать, которую он создает через свои спокойные переживания, - это то же самое, что и сила, скрытая за грудью, которую он мысленно хочет уничтожить". [стр. 151]

Младенец может находиться как в спокойном, так и в возбужденном состоянии - каждый, кто проводил время с ребенком, знает это, но почему никто не додумался выразить это таким образом? Младенец чувствует "то и это" [в языке есть легкость, как и в состоянии сознания и тела младенца], наслаждается "стимуляцией кожи при купании" и "нельзя сказать, что он осознает... что [в спокойном состоянии]... он тот же самый, что и кричащий о немедленном удовлетворении...". Как лучше описать ощущение непрерывной идентичности в различных состояниях чувств/мыслей, чем с помощью ненавязчивой аллитерации звуков С - шестнадцать раз в одном предложении (в английском варианте) - в словах, имеющих очень широкий диапазон значений, включая: *состояния, старт, кожа, стимуляция, то же самое, вскрик, удовольствие, и удовлетворенность?*⁶

6 Конечно, я не предполагаю, что Винникотт планировал или даже осознавал, каким образом он использует аллитерацию, синтаксис, ритм, каламбур и так далее для создания специфических эффектов в своем использовании языка - не больше, чем талантливый поэт заранее планирует, какие метафоры, образы, рифмы, ритмы, синтаксические структуры, дикцию, аллюзии, длину строк и так далее он будет использовать. Кажется, что сам процесс написания имеет свою собственную жизнь. Это одно из "прав и привилегий", а также одно из удовольствий критического чтения - пытаться понять, что происходит в произведении, независимо от того, хотел ли писатель этого, и вообще знал ли он об этом.

Винникотт продолжает:

Также я думаю, что не обязательно существует интеграция между ребенком, который спит, и ребенком, который бодрствует.... Когда сновидения запоминаются и даже каким-то образом передаются третьему лицу, диссоциация немного ослабевает; но некоторые люди никогда четко не помнят свои сны, а дети очень сильно зависят от взрослых в плане понимания своих снов. Для маленьких детей вполне нормально видеть тревожные сны и кошмары. В такие моменты дети нуждаются в том, чтобы кто-то помог им вспомнить, что им снилось.

Это ценный опыт, когда сон и снится, и вспоминается, именно потому, что при этом происходит разрушение диссоциации, которую он представляет" [стр. 151]. [с. 151, курсив в оригинале].

В этой части работы Винникотт говорит о важности того, чтобы переживания детского сна были переданы "каким-то образом третьему лицу". Каждый раз, когда я читаю это предложение, оно вызывает у меня недоумение и замешательство. Я пытаюсь представить себе третье лицо в очевидно двустороннем переживании сновидения (еще не созданного ребенком и не принадлежащего ему), которое "каким-то образом" передается третьему лицу. Является ли третий человек переживанием символического присутствия отца даже в его отсутствие? Возможно, но такая идея кажется слишком похожей на опыт разума, оторванного от телесных ощущений, ощущения жизни, которое человек испытывает, общаясь с ребенком в вербальной или невербальной коммуникации. Сон может быть ненавязчиво вставлен в разговор или в игру, иногда без слов, потому что ребенок сам воплощает сон, пока сон не станет принадлежать ребенку.

Таким образом, с этой точки зрения, три человека - это «сновидящий» ребенок, бодрствующий ребенок и взрослый. Такая интерпретация предлагается языком Винникотта, но читатель, опять же, должен проделать работу по воображаемому вхождению в процесс чтения. Язык (в отличие от обсуждения) ненавязчиво создает замешательство, которое испытывает читатель/ребенок по поводу того, сколько людей присутствует в акте передачи сна взрослому. Читатель ощущает, каково это для ребенка - быть двумя людьми и не замечать этого, пока взрослый не поможет ему "узнать... [то, что становится *его*] снами". "Узнать" свои сны - это выражение Винникотта уникально; никто другой не смог бы написать такие слова. Эта фраза является завуалированной метафорой, в которой взрослый "вводит в курс дела" при первой встрече бодрствующего ребенка и его сновидений. В этом воображаемом социальном событии не только ребенок узнает, что у него есть жизнь во сне, но и его бессознательное узнает, что "оно" (которое, будучи в здравом уме, вечно находится в процессе превращения в "Я") имеет жизнь наяву.

Метафорический язык этого отрывка, в котором нет ни малейших следов напряжения, на самом деле таит в себе тяжелый теоретический заряд. Во-первых, дело в том, что, по выражению Фрейда (1915), бессознательное "живо" (с. 190), и, следовательно, "знакомство" со своими снами представляет собой не что иное, как начало здорового общения на "границе" (с. 193) бессознательного и предсознательного. По мере того как бодрствующий и сновидящий ребенок знакомятся друг с другом (т.е. по мере того, как ребенок начинает воспринимать себя как одного и того же человека, у которого есть и жизнь в бодрствовании, и жизнь во сне), опыт сновидения кажется менее странным (как бы вторым, новым для самого себя) и, следовательно, менее пугающим⁷.

7 Даже будучи взрослыми, мы никогда полностью не переживаем жизнь во сне и наяву как две разные формы переживания себя самого как одного человека. Это отражается в языке, которым мы пользуемся, говоря о снах. Например, мы говорим: "Я видел сон прошлой ночью" (то есть это случилось со мной), а не "Я придумал сон прошлой ночью".

Можно сказать, что когда сон одновременно и снится, и вспоминается, разговор между сознательным-предсознательным и бессознательным аспектами разума через барьер репрессии усиливается. Но если выразить это в подобных терминах, то причины того удовольствия, которое можно получить от написанного Винникоттом, становятся еще более очевидными. В отличие от подобного языка, насыщенного существительными, такими как предсознательное, сознательное, бессознательное, репрессия и так далее, язык Винникотта кажется полностью *глагольным*: "чувствовать что-то", "знакомиться со своими снами", "кричать", "быть одержимым" и так далее.

Обсудив ранний опыт младенца на пути к обретению целостности (в состоянии здоровья) после опыта жизни по частям (дезинтеграции) и разнообразных форм диссоциации (например, диссоциации состояний сна и бодрствования), Винникотт обращает свое внимание в работе "Примитивное эмоциональное развитие" на опыт младенца в его самых ранних отношениях с внешней реальностью:

Что касается ребенка и материнской груди (я не утверждаю, что грудь необходима как проводник материнской любви), у ребенка есть инстинктивные побуждения и хищнические идеи. У матери есть грудь и способность производить молоко, а также идея о том, что она хотела бы быть атакованной голодным ребенком. Эти два явления не вступают в связь друг с другом, пока мать и ребенок не переживут совместный опыт. Мать, будучи зрелой и физически способной, должна быть той, кто обладает терпимостью и пониманием, чтобы именно она создала ситуацию, которая, если повезет, может привести к первой связи младенца с внешним объектом, объектом, который с точки зрения младенца является внешним по отношению к нему самому". [с. 152, курсив в оригинале].

В этом отрывке язык делает гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. "...У младенца [на этом этапе] есть инстинктивные побуждения и хищнические идеи. У матери [с внутренней жизнью, совершенно отдельной от жизни младенца] есть грудь и способность производить молоко, а также мысль о том, что она хотела бы быть атакованной голодным ребенком". Убийственная серьезность (и жестокость) этих слов - инстинктивные побуждения, хищнические чувства, власть, нападение - контрастирует с причудливостью и юмором намеренно перегруженных образов. Представление о ребенке с "хищническими идеями" вызывает в воображении образ коварного преступника в пеленках. И точно так же представление о матери, которая хотела бы, чтобы на нее "напал голодный младенец", вызывает образы женщины (с большими грудями, налитыми молоком), идущей ночью по тускло освещенным аллеям в надежде подвергнуться жестокому нападению хулигана-младенца с жуткой страстью к молоку. Язык, одновременно серьезный и игривый (временами даже нелепый), создает ощущение взаимодополняемости внутренних состояний матери и младенца, взаимодополняемости, которая происходит только параллельно, но пока еще не по отношению друг к другу.

В предложении, которое следует сразу за этим, мы находим один из самых важных теоретических вкладов Винникотта в психоанализ, идею, которая в значительной

степени определила второе пятидесятилетие истории психоаналитической мысли. В том виде, в котором эта идея изложена здесь, она, на мой взгляд, еще более богата предположениями (заставляющими думать), чем в более поздних, более привычных формах: "Эти два феномена [младенец с хищническими побуждениями и идеями и мать с инстинктивными побуждениями и желанием быть атакованной голодным ребенком] не вступают в отношения друг с другом, пока мать и ребенок не *проживут совместный опыт*".

"*Прожить опыт вместе*"... что делает эту фразу примечательной, так это неожиданное слово "прожить". Мать и ребенок не "принимают участие", "разделяют", "участвуют" или "входят" в совместный опыт; они проживают опыт вместе. В этой единственной фразе Винникотт намекает (хотя я думаю, что он не вполне осознавал это, когда писал ее), что он находится в процессе преобразования психоанализа, как теории, так и терапевтических отношений, таким образом, чтобы изменить представление о том, что является наиболее фундаментальным для человеческой психологии. Желание и регуляция желания (Фрейд), любовь, ненависть и репарация (Кляйн) или поиск объекта и объектные отношения (Фэрбэрн) больше не будут представлять собой то, что имеет наибольшее значение в развитии психики и тела с самого начала и на протяжении всей жизни. Вместо этого, Винникотт впервые приступает к изложению идеи о том, что центральной организующей нитью психологического развития, с самого его начала, является переживание собственного бытия и последствия нарушений этой непрерывности бытия.

Специфический способ, которым Винникотт использует язык в этом отрывке, имеет решающее значение для природы генерируемых смыслов. Во фразе "прожить опыт вместе" "*прожить*" - это переходный глагол, принимающий опыт в качестве объекта. *Прожить опыт* - это акт *совершения чего-то* с кем-то или чем-то (так же, как акт удара по мячу - это акт совершения чего-то с мячом); это акт наполнения опыта жизнью. Человеческий опыт не имеет жизни, пока мы его не проживаем (в отличие от простого обладания им в практическом плане). Мать и ребенок не вступают в отношения друг с другом, пока каждый из них не сделает что-то с опытом - то есть они проживают его *вместе*; не просто в одно и то же время, а переживая и откликаясь на отдельные действия друг друга, которые наполняют жизнью проживание этого опыта.

В заключении параграфа говорится следующее: "Мать, будучи зрелой и физически способной, должна быть той, кто обладает терпимостью и пониманием, так что именно она создает ситуацию, которая, если повезет, может привести к первой связи младенца с внешним объектом, объектом, который является внешним по отношению к самому себе с точки зрения младенца" (стр. 152). Возникающий здесь не утвержденный парадокс включает в себя идею о том, что *совместное* проживание опыта служит для *сепарации* матери и младенца (чтобы привести их "в отношения друг с другом" как отдельные сущности, с точки зрения младенца). Этот парадокс лежит в основе опыта иллюзии: "Я думаю об этом процессе, как если бы две линии, идущие с противоположных направлений, могли бы приблизиться друг к другу. Если они пересекаются, возникает момент иллюзии - кусочек опыта, который младенец может принять *либо* за галлюцинацию, *либо* за вещь, принадлежащую внешней реальности" (с. 152, курсив в

оригинале).

Очевидно, что вводится понятие, которое Винникотт (1951) позже назвал "переходными феноменами" (стр. 2). "Момент иллюзии" - это момент психологического "совпадения" матери и младенца: момент, когда мать проживает опыт с младенцем, в котором она активно/бессознательно/естественно предоставляет себя в качестве объекта, который может быть пережит младенцем как творение младенца (незамеченный опыт, потому что нет ничего, что не было бы ожидаемым) или как открытие младенца (событие с качеством инаковости в мире, внешнем по отношению к самоощущению младенца).

Другими языками, младенец приближается к груди, когда он возбужден и готов галлюцинировать, то есть представить себе что-то, подходящее для нападения. В этот момент появляется настоящий сосок, и он может ощутить, что именно этот сосок был его галлюцинацией. Таким образом, его идеи обогащаются реальными фактами зрения, ощущений, запаха, и в следующий раз этот материал используется в галлюцинации. Таким образом, он начинает формировать способность воображать то, что реально доступно. Мать должна продолжать давать младенцу подобный опыт". [стр. 152-153].

То, что пытается описать Винникотт (и ему это удается благодаря использованию языка), - это не просто переживание (опыт), а это такой способ переживания, который является более легким, более насыщенным стремительной энергией, чем другие способы переживания. Начальная метафора, с помощью которой он представляет этот способ переживания, включает образ матери и младенца как двух линий (или жизней?), идущих с противоположных направлений (из мира магии и из мира приземленной согласованной реальности), которые "с большой вероятностью могут приблизиться друг к другу". Это выражение является неожиданным, поскольку имеет оттенок случайных событий (нежелательного характера?). Нет ли здесь намек на иронию в том, что случайности служат в качестве пропуска в "реальный мир"?

Для Винникотта материнское предназначение еще сложнее, чем создание психологического межличностного поля, в котором младенец в одно и то же мгновение получает доступ к внешней реальности, внутренней реальности и переживанию иллюзии. В "Примитивном эмоциональном развитии" он утверждает, что задача матери на этой стадии заключается в защите "своего младенца от осложнений, которые еще не могут быть поняты младенцем" (стр. 153).

Осложнения - это слово, недавно появившееся в этом предложении. В руках Винникотта осложнения приобретают довольно специфический набор значений, связанных со слиянием внутренних и внешних стимулов, имеющих связь друг с другом, которая находится за пределами способности младенца к пониманию. Несколько лет спустя, говоря об усилиях матери "не допускать осложнений сверх того, что младенец может понять и принять", Винникотт (1949) добавил, что "в частности, она пытается оградить своего ребенка от случайностей" (стр. 245).

Случайности - слово еще более загадочное, чем сложности. Это слово имеет долгую и тревожную историю в западной мифе и литературе. (Версия мифа об Эдипе у

Софокла представляет собой лишь один пример разрушений, которые может оставить после себя "случайность").

Винникотт не объясняет, что он имеет в виду под *случайностями* или *осложнениями*, и тем более не объясняет, как можно оградить от них ребенка. Его неопределенный, загадочный язык не заполняет пространство информацией; он открывает пространство для мышления, воображения и свежего переживания. Одно из возможных прочтений слов "*осложнения*" и "*случайности*" (как их использует/создает Винникотт), которое я иногда нахожу полезным, выглядит следующим образом: Случайности или осложнения, от которых младенец должен быть защищен, подразумевают случайное одновременное совпадение событий, происходящих во внутренней и внешней реальности младенца в то время, когда эти две реальности только начинают отличаться друг от друга. Например, голодный младенец может испытывать страх и ярость, ожидая мать дольше, чем он может терпеть. Мать может чувствовать себя озабоченной и расстроенной по причинам, не имеющим отношения к младенцу, возможно, в результате недавней ссоры с мужем или физической боли, которая, как она опасается, является симптомом серьезного заболевания. Одновременность внутреннего события (голод, страх, гнев младенца) и внешнего события (эмоциональное отсутствие матери) - это случайное совпадение, которое младенец не может понять. Он придает этому смысл, воображая, что это его гнев и хищные побуждения убили мать. Мать, которая ранее желала быть атакованной голодным ребенком, исчезла, и на ее месте осталась безжизненная мать, пассивно позволяющая голодному ребенку атаковать себя, как падаль, которую могут съесть стервятники.

Случайное совпадение заставляет младенца защищаться, чтобы привнести определенный порядок и контроль в свой опыт, притягивая то, что начинало становиться внешним миром, обратно во внутренний мир с помощью всемогущей фантазии: "Я убил ее". Напротив, когда мать и ребенок способны "прожить опыт вместе", жизненная сила внутреннего мира ребенка признается и удовлетворяется внешним миром (материнским актом проживания опыта вместе с ребенком). Винникотт не преподносит эти идеи в открытой форме, но читателю предстоит их найти/создать.

Здесь необходимо сделать предостережение относительно того, какую степень свободы может взять на себя читатель при прочтении текста, и это предостережение делает сам Винникотт. Во всех работах Винникотта подразумевается, что творчество не должно цениться выше всего остального.

Творчество не только бесполезно - оно смертельно в прямом смысле слова в случае младенца, когда он оторван от объективности, то есть, когда он отключен от принятия внешней реальности. Младенец, вечно галлюцинирующий о том, что ему нужно, умрет от голода; читатель, потерявший связь с написанным, не сможет извлечь из него уроков.

Концепция Винникотта о самом раннем опыте младенца, связанном с принятием внешней реальности, столь же прекрасно передана, сколь и тонка по содержанию:

Одна вещь, которая следует за принятием внешней реальности, - это преимущество, которое можно извлечь из нее. Мы часто слышим о

вполне реальных фрустрациях, вызванных внешней реальностью, но реже слышим об облегчении и удовлетворении, которые она приносит. Настоящее молоко приносит удовлетворение по сравнению с воображаемым, но дело не в этом. Дело в том, что в фантазии все работает по волшебству: в фантазии нет тормозов, а любовь и ненависть вызывают тревожные эффекты. У внешней реальности есть тормоза, ее можно изучать и познавать, и, по сути, фантазия только тогда становится полностью терпимой, когда объективная реальность хорошо оценена. Субъективное имеет огромную ценность, но оно настолько тревожно и волшебно, что им нельзя наслаждаться иначе, как параллельно объективному. [стр. 153]

В этом отрывке есть какая-то особая мужественная сила. После признания того, что уже очевидно ("Настоящее молоко приятнее воображаемого"), отрывок словно обрывается на середине предложения: "...но дело не в этом. Дело в том, что в фантазии все работает по волшебству: в фантазии нет тормозов, а любовь и ненависть вызывают тревожные эффекты". В этих предложениях внешняя реальность - не просто абстракция; она живет в языке. Внешняя реальность ощущается в звуках слов - например, в плотном, холодном, металлическом звуке тормозов (который вызывает у меня образ локомотива с заблокированными колесами, с визгом останавливающегося на гладких железных рельсах). Метафора о транспортном средстве, не имеющем средств для остановки (метафора, подразумеваемая в выражении *без тормозов*), развивается по ходу предложения: "...любовь и ненависть вызывают тревожные последствия". Любовь и ненависть не имеют субъекта, что оставляет метафорическое транспортное средство не только без тормозов, но и без водителя (или машиниста).

Модулирующее влияние внешней реальности ощущается в сдержанности и частых паузах в первой половине предложения: "Внешняя реальность имеет тормоза (и может быть изучена и познана) и на самом деле...". После замедления предложение (и опыт внутренней и внешней реальности) разворачивается в более плавном (что не означает безликом или безжизненным) виде: "...Фантазия только тогда терпима в полной мере, когда объективная реальность хорошо оценена".

Винникотт снова и снова возвращается к теме иллюзий в "Примитивном эмоциональном развитии", каждый раз рассматривая ее с несколько иной точки зрения. Ему нет равных в его способности выразить словами, как иллюзия может ощущаться ребенком. Например, возвращаясь к этой теме в конце работы, он говорит, что для возникновения иллюзии "...должен быть установлен простой *контакт* с внешней или совместной реальностью посредством галлюцинаций младенца и восприятия мира, с моментами иллюзии для младенца, когда эти два понятия принимаются им за идентичные, каковыми они на самом деле никоим образом не являются" (стр. 154). Чтобы это произошло, кто-то "...должен взять на себя труд [удивительно простой способ намекнуть на то, что быть матерью младенца - это большой труд и много хлопот] все время [даже когда она жаждет хотя бы часа сна] доносить мир до ребенка в понятной форме [без слишком большого количества осложнений и случайностей] и в ограниченном виде, подходящем для потребностей ребенка" (с. 154). Ритм череды

предложений, составляющих это предложение, нагромождает требование за требованием, которые мать должна выполнить, создавая иллюзию для ребенка. Эти усилия со стороны матери представляют собой интенсивный закулисный труд, необходимый для того, чтобы младенец получал удовольствие, сидя в зрительном зале на представлении с участием иллюзии. В спектакле не видно ни намека на грязную неблагодарную работу, которая создает и охраняет жизнь иллюзии.

Юмор контраста между иллюзией, увиденной из-за кулис и с места в зрительном зале, как мне кажется, ничуть не упущен Винникоттом. Сопоставление только что процитированного отрывка (что-то вроде должностной инструкции для матери ребенка) и следующего за ним абзаца (в котором передано все чувство недоумения и восхищения, которое испытывает ребенок, увидев магическое шоу) вряд ли может быть случайным: "Тема иллюзии... может быть обнаружена, чтобы дать ключ к разгадке интереса ребенка к мыльным пузырям, облакам, радуге и всем прочим таинственным явлениям, а также к его интересу к пуху... Где-то здесь также кроется интерес к дыханию, которое все никак не поддается пониманию, откуда оно исходит - изнутри или извне..." (с. 154). Я не встречал в психоаналитической литературе похожего выражения почти прозрачного, мистического качества воображаемого опыта, которое оказывается возможным, когда полный взрыв фантазии становится безопасным благодаря устойчивому постижению ребенком внешней реальности.

Заключительные комментарии

Винникотт в этой, первой своей большой работе, спокойно, непринужденно бросает вызов общепринятому мнению, согласно которому написание текста - это, прежде всего, средство достижения цели, средство, с помощью которого аналитические данные и идеи передаются читателям, подобно тому, как телефоны и телефонные линии передают голос в виде электрических импульсов и звуковых волн. Представление о том, что наш аналитический опыт и идеи, которые мы осмысливаем, неотделимы от языка, который мы используем для их создания/передачи, для некоторых аналитиков является идеей, которой они упорно сопротивляются. Для них досадно признать, что дискурс между аналитиками, будь то письменный или устный, навсегда останется ограниченным нашими неточными, импрессионистскими (и, следовательно, запутанными и ошибочными) отчетами о том, что мы наблюдаем и как мы думаем о том, что мы делаем как аналитики. Для других признание неразрывности наших наблюдений и идей, с одной стороны, и языка, который мы используем для их выражения, с другой, является захватывающим, поскольку оно охватывает неразрывное взаимопроникновение жизни и искусства, причем ни одно из них не предшествует другому, ни одно не властвует над другим. Быть живым (не просто в функциональном смысле) - это значит постоянно находиться в процессе созидания чего-то нового, будь то мысли, чувства, телесные движения, восприятия, разговоры, стихи или психоаналитические статьи. Ни один психоаналитик лучше, чем Винникотт, не продемонстрировал взаимозависимую, взаимооживляющую связь жизни и искусства.